

Советская власть и медиа: Сборник статей, под ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсген. СПб.: Академический проект, 2005, 621 с.

Отсутствие более широкого резонанса на такую значительную публикацию, позволяет предположить несколько проблем отечественного гуманитарного ландшафта: недостаточное количество работающих гуманитариев в русскоязычном сообществе, недостаточное количество журналов гуманитарного профиля, способных оперативно рецензировать новинки, недостаточное количество исследователей советской культуры в России.¹

Отечественному исследователю, кажется, не дает заниматься советской культурой множество факторов. Среди них существенным можно считать отсутствие фундаментальной мотивировки. Я имею в виду, что энтузиазм новой дисциплины 1990-х, который вызвал к жизни множество переводных и оригинальных публикаций исследований советской культуры, в 2000-е годы явно иссяк. Благодаря 1990-м организовался достаточно внушительный корпус литературы для исследователей специфики «советской культуры», но научные институции, специализирующихся на «советском материале» не появились.

Документы, свидетельства, проясняющие обстоятельства советской истории продолжают выходить,² а вот «советская культура» остается по большей части темой переводных сборников и монографий.

Билефельдской инициативе, связанной с деятельностью Ханса Гюнтера в 2000-е годы принадлежат две концептуальные попытки захода к прояснению специфики советской культуры, оформившиеся в сборники «Соцреалистический канон» 2000 и «Советская власть и медиа» 2005. Между ними скорее некоторым дополнением к «Соцреалистическому канону» существует еще и фештшриффт «Советское богатство» 2002.

В третьем по счету сборнике, связанном с исследовательскими проектами под руководством Ханса Гюнтера, более шестисот страниц, набранных мелким шрифтом (главный недостаток публикации!), объем публикации приближается к тысяча страничному «Соцреалистическому канону».

Внутри публикации обнаруживается множество ссылок на сборники «Соцреалистический канон» и «Советское богатство». Становится ясно, что институции, обеспечивающие дифференциацию знания о советской культуре (конференции, многолетние коллективные проекты, публикации) поддерживаются только европейскими грантодателями. А также, что отечественный исследователь специфики «советского» может рассчитывать в основном на поддержку сообщества европейских и американских славистов.

¹ Исключением является рецензия: Уланов А. «Советская власть и медиа», *Новое литературное обозрение*, 78 (2007), С. 454-45.

² Серия Россия. XX век. Документы. Издательство Материк. Серия История сталинского ГУЛАГА издательства РОССПЭН.

Во вступительной статье редакторами сборника задаются теоретические проблемы и задачи, решаемые этой публикацией. Во-первых, это соотношение общей теории медиа с науками об обществе и о культуре. Во-вторых, это проработка новых для уже существующего корпуса советологической литературы фактов культурной жизни одного из самых драматических периодов истории СССР (1920-е и 1930-е годы). В-третьих, это желание более тесной интеграции методов исследования отечественных и европейских исследователей, для чего участниками проекта и редакторами сборника как одна из рамок работы предложено сопоставление функций различных медиа внутри одного культурного пространства.

Медиа обладают свойством саморефлексивности. Расчет издателей сборника на то, что исследователи советских радио, кино, литературы, обратив свое внимание на «условия коммуникации», откроют множество дополнительных характеристик советского социального устройства 1920–1930-х в действительности оправдался.

«Можно предположить, что медиа – это не только нейтральные средства передачи информации; своей способностью к трансформации, своими перформативными, экспрессивными и символическими возможностями, своими конкретными формами проявления они сами участвуют в процессе выявления смысла. Более того, современные масс-медиа особенно интенсивно апеллируют к эмоциональной, аффективной стороне человека, участвуя таким образом, в перестройке структуры восприятия и познания».³ «Настоящий сборник ставит перед собой целью стимулировать сравнительный анализ медиа в Советском Союзе 1920–1930 гг. с уделением особого внимания фотографии, кино, радио».⁴

Основные методы работы с источниками в данном сборнике тем не менее тесно связаны с семиотическими подходами, рассматриваются «смысл сообщения» различных медиа и условия осуществления этого сообщения.

«Ориентация на динамику развития ранней советской культуры на переходном этапе от революционного авангарда к тоталитарной культуре в конце 1920-х и в начале 1930-х гг. вписывается в актуальную научную парадигму проявляющуюся в разных дисциплинах, занимающихся вопросами советской культуры (культурология, литературоведение, история, политология, социология). В культурологии и литературоведении она продолжает традицию культурно-семиотических исследований, посвященных анализу символических манифестаций советской культуры в литературе, в изобразительном искусстве, кино и архитектуре».⁵

Однако, общая тема этого проекта, кажется не заключена в объекте – советских медиа, но предлагает множество наблюдений и логических построений для разработки редкой еще для отечественной гуманитаристики темы, которую можно определить как концептуализация «советского модерна». Именно граница 1920-1930 (период, описываемый в этом сборнике), переход от революционного авангарда к «тоталитарной модели культуры» – кавычки необходимы здесь из-за неоднозначности, но широкой

³ *Советская власть и медиа: Сб. статей*, под ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсен, СПб.: Академический проект. 2005, 5.

⁴ Там же, 6.

⁵ Там же, 6-7.

распространенности данного понятия. Нельзя сказать, что черты «современности», «модерности» советской культуры не становились объектом исследования и в других публикациях. Есть монографии и сборники, исследовательские проекты, проблематизирующие данный аспект, но, кажется этот сборник является примером большой эвристической ценности теории модернизации для эмпирических исследований советской культуры.⁶ Сразу хочется оговориться: если в этот обзор не попали некоторые из статей, собранных в сборнике, причина этому лишь дисциплинарная принадлежность рецензента. Все представленные тексты предлагают интересные и продуктивные с точки зрения выявления свойств медиа, источники и темы.

В издании преобладают тексты, построенные на подробной работе с источниками или посвященные конкретному аспекту источника.

В первой рубрике первого раздела помещены статьи с обще-теоретическими рассуждениями. В ней осмысляются три специфических советских медиа: «Радиофикация» в статье Юрия Мурашова, «Октябрьская революция» в статье Михаила Рыклина и «Сталин» в статье Свена Спикера.

Особенно интересным мне показалась постановка вопроса в тексте «За кулисами революции. Красный Октябрь Вальтера Беньямина», где на примере Московского дневника В. Беньямина Михаил Рыклин разбирает условия, определившие поддержку революции и революционной культуры европейскими интеллектуалами. На полях хотелось бы с сожалением отметить, что Московский дневник Вальтера Беньямина до сих пор остается в отечественных исследованиях почти безраздельно в ведении философов и историков философии. Для представителей наук о культуре в отечественной традиции, этот текст, еще не становился поводом, чтобы описать социальные пространства Москвы 1920-х гг. Беньямин в описаниях Москвы отмечает те разрывы советских социальных пространств с универсальными городскими, современными социальными пространствами, сформулированными отчетливо автором в очерке «Париж – столица XIX столетия» 1935 года.

В следующей рубрике, озаглавленной «Аудио-Медиа» представлены тексты Татьяны Горяевой, Владимира Коляды, Анны Новиковой, Александра Шерель, Елены Петрушанской, Юлии Курселл. Наряду с основательным массивом текстов о радио: радиопублицистике, радиовещании 1920-х – 1930-х, редким для культурологических сборников объектом исследования выглядит понятие «фортепьянного удара» и теория фортепьянной игры, которому посвящена статья Юлии Курселл. Представление об эффективности описания человеческих способностей Центрального института труда под руководством А. К. Гастева через метафору «механисти-

⁶ Некоторые публикации на русском языке, затрагивающие вопросы, близкие к вопросам этого сборника за 2007 год: Хмельницкий А., *Архитектура Сталина. Психология. Стил*, М.: Прогресс-Традиция, 2007, 560 с.; Фоменко А., *Архаисты, они же новаторы*. М.: Новое литературное обозрение, 2007, 144 с.; Фоменко А., *Монтаж, фактография, эпос. Производственное движение в фотографии*, СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007, 374 с.; Левада Ю. А., *Ищем человека: Социологические очерки, 2000-2005*, М.: Новое издательство, 2006, 384 с.

ческих» (в рамках деятельности этого института, начались исследования фортепьянного удара Бернштейна и Поповой), ставшие источником для написания этой статьи. Наиболее адекватное описание эффективности человеческого действия (изучавшегося физиологами на примере исполнения параллельных октав) оказалось выявлением бессознательных аспектов взаимодействия человека и инструмента. Механистические метафоры человека-машины, человека-мотора, центральные для поэтики труда 1930-х, были архаичными для науки уже в 1920-е годы.

Для следующей рубрики «Визуальные медиа» центральным объектом изучения стали фотография, картография, живопись. В статьях Розалинды Сарторти, Галины Орловой, Бориса Гройса, Екатерины Деготь, Евгения Добренко рассмотрены различные аспекты бытования фотографии на переломе сводов культурных правил.

В частности, в статье Бориса Гройса «Фотография в контексте текста», описываются отношения фотографии, текста и изображения в неофициальном искусстве 1970-х гг. Интересно, что хронологически объект этой статьи не пишется в общий замысел, но внутреннюю логику исследователя можно легко понять, если общей рамкой коллективного исследования считать выявления специфики «советского Модерна». Соотношение Первого и Второго авангардов тема для культурологических публикаций также почти неизведанная. Но именно художественные практики второго авангарда, именуемые «соц-арт», «московский концептуализм», «акционизм» стали первым примером отечественной рефлексии по поводу специфики советского. В сфере искусства разрабатывались аналитические приемы и концепции, ставшие в последствии «самособойразумеющимися» в научном дискурсе о «советском». Литературоцентричность советской культуры превратилась в произведениях 1970-х гг. в прием, где текст и иллюстрация к литературному тексту занимают в авангардном искусстве место фотографии в аналогичных европейских практиках.

В рубрике «Принт медиа» собраны статьи Джеффри Брукса, Майи Туровской, Дирка Уффельманна. Известная исследовательница советской видеокультуры Майя Туровская на этот раз представила компаративистское исследование тематического репертуара иллюстрированных журналов «Огонек» и «Berliner Illustrierte Zeitung». В списке сходств и различий организации журнальных форматов интересными кажутся различия, касающиеся специфики советской модернизации. Исследовательница приводит результаты сопоставления рекламных блоков этих журналов. Сравнения на основе этих формальных позиций (объем рекламы, количество иллюстраций, список товаров) выявляют крайне интересные черты родственных культур. Скажем, к 1931 году представление о городском быте в советской России и Веймарской Германии выглядит так: «Рядовая рисованная реклама пылесоса Siemens – маленькие картинки (наподобие клейм на иконах) представляют почти весь набор бытовых приборов, которыми мы пользуемся по сей день. В «Огоньке» еще только через десять лет предметом даже не рекламы, а обсуждения станут веник и чайник, а новинкой – медленный керогаз».⁷ Далее, перейдя к анализу журнальных стратегий

⁷ С. 247 рецензируемого издания.

подачи информации 1937, 1939 гг., Туровская в различных примерах описывает крайне интересный механизм советской культуры, который в статье предъясняется как «вторичная мифологизация» или «идеологический маркетинг». Здесь подразумевается процесс становления литературным (культурным) героя обыденной жизни. По мнению автора советская литература не в состоянии была предложить собственного советского героя (случай Павки Корчагина можно расценить как единичную удачу), настоящие литературные герои: летчики, стахановцы, были окультурены постфактум, и в этом деле, именно иллюстрированные журналы (синтез рекламного каталога и бульварного романа) послужили площадкой для того, чтобы представить программу и эффективность режима в непротиворечивом «слитном» и эффектном виде.

Исследования следующей рубрики размещают границу той области значений, которую конструируют медиатеории. «Тело в театре и кино» – эта рубрика объединила статьи Игоря Чубарова, Олега Аронсона, Оксаны Булгаковой. В текстах с разными сюжетами исследователи разрабатывают коммуникативный аспект наблюдаемых ими медиа. Новые способы коммуникации (спектакль без зрителя Евреинова) стали предметом рассмотрения в статье Игоря Чубарова. Оксана Булгакова представила новые содержательные единицы раннего советского кино: семантику жеста. Олег Аронсон – оппозицию Мейерхольд–Станиславский в ракурсе, отменяющем стереотипное противопоставление авангардного формального и консервативного психологического театров.

Второй раздел сборника носит название «Кино» и открывается рубрикой «Звук и устность». В статье Сабины Хэнсен «Audio-Vision». О теории и практике раннего советского звукового кино на грани 1930-х гг., включенного в эту рубрику вместе с материалами Валери Познер, Николая Изволова и Евгения Марголита, образ радио, складывающийся из сюжетных функций радиотрансляции, визуального присутствия радиоприемников в кино рубежа 1930-х, представлен как один из образов власти. Интересно, что авангардная культура, включающая футуристический интерес к механизмам, интерес к документальному, подлинному синтезированный в революционной кинематографической программе Дзиги Вертова, повлиял на этот бестелесный, условный и тем не менее очень убедительный образ всепроникающего голоса. Кинематографическое воплощение обращения к каждому гражданину в последствии сменилось образом вождя, о котором в литературе о советской культуре имеется гораздо большее число публикаций. В статье «Проблема многоязычия в раннем советском звуковом кино (1930–1935)» Евгений Марголит анализирует более десятка редких фильмов этого периода. Период многоязычия заканчивается выходом на экраны фильма Г. Александрова «Цирк», где «прощание <с многоязычием> происходит в знаменитом эпизоде «Колыбельная» и фактически решенного как поклонение всех языков новому грядущему миру-младенцу».⁸ После выхода фильма многоязычие, по словам автора, на два десятилетия фактически исчезает из советского кино. А иностранный язык начинает маркировать фигуру врага и появляться в киноверсии советского мифа

⁸ С. 385 рецензируемого издания.

только как одна из характеристик чужака. Статья заканчивается эффектным сюжетом, демонстрирующим определенную «условность» социалистического реализма в кино. «Во второй серии фильма «Оборона Царицына (1942) Братьев Васильевых есть эпизод, где проштрафившийся красный командир грузин (актер Владимир Канделаки), пытаясь объясниться со Сталиным, переходит на грузинский. Сталин (актер Михаил Геловани) перебивает его бурный монолог репликой: «Я по-грузински не понимаю»⁹».

В рубрике «Драматургия» представлены сюжеты о различных явлениях авангарда литературного процесса СССР 1920-х годов. И если два первых материала (Илья Кукуя «Между Сциллой кинематографа и Харибдой литературы Киносценарий Льва Лунца 'Восстание вещей'» и Барбары Вурм «Figuratio-Defiguratio, или как сделан человек-буква. Особенности сценарной работы Ю. Тынянова в свете медиальной теории») представляют теоретические дискуссии в плане осмысления медиа (письма или киносценария), то третий материал этого раздела «Обобщение кинодраматургии. От кинодраматургии до драматургии искусств» Анке Хенниг демонстрирует процессы изъятия «медиальной рефлексии» из советского культурного пространства и приход новых актуальных концептов («идея», «герой», «содержание»). В этом тексте, посвященном антимодернистским процессам советского культурного производства, появляется концепт «союз искусств культуры сталинского периода». Автор демонстрирует, как отсутствие дискуссии о специфике медиа, специфике видов искусств ведет к тому, что независимые культурные практики слипаются и образуют единое тавтологичное пространство «советского искусства», где кино выступает его синонимом.

Третья рубрика «Мотивы и жанры» представляет в качестве медиа элемент литературоведческого анализа. В защиту точки зрения, с которой советская культура является одним из вариантов культуры эпохи Модерна, безусловно, ложится исследование мотива «электрификации» в литературе и кино. Освещение, как рождение культурного пространства, в советском контексте становится управляемым окультуриванием страны советов (Эмма Виддис «Страна с новым кровообращением». Кино, электрификация и трансформация советского пространства). В этой рубрике также есть тексты о мотиве «труд» в кино Надежды Григорьевой и о проблематичности применения понятия «жанра» к исследованиям советского кино на примере «исторического фильма» 1930-х–1940-х годов Анны Бон. В статье этой рубрики «Соперник, паразит, спаситель. Фигуры третьего в кино 1920–60-х гг.» Шаммы Шахадат представляются инварианты фигуры третьего (любовник, вредитель, вождь), которая появляется в советской культуре как реакция на госзаказ «построения нового общества». Следующая рубрика посвящена Сергею Эйзенштейну. В нее вошли тексты Валерия Подороги, Вольфганга Байленхоффа и Ханса Гюнтера.

В финале сборника в рубрике «Россия и Америка» продолжается компаративистский анализ свойств и типов советской и американской культур, представленный также и в других советологических сборниках (Соцреалистический канон, Советское богатство). На материале кинематографа

⁹ Там же, 386.

Сергей Каптерев, Гудрун Хайдеманн и Наташа Друбек-Майер вводят множество событий и фактов, представляющих с одной стороны общий культурный контекст 1920-х гг., с другой стороны специфические реакции советской и американской культуры на исторические события.

Сквозные темы, благодаря которым разговор о советском модерне в этой публикации становится таким подробным – интернациональные культурные связи, на которые так богаты 1920-е, и которые начинают сворачиваться в 1930-е годы. Русско-немецким связям посвящены статьи Михаила Рыклина, Александра Шерель, Майи Туровской, а советско-американскими сопоставлениями занимаются исследователи целого последнего раздела Сергей Каптерев, Гудрун Хайдеманн, Наташа Друбек-Майер.

С другой стороны, этот сборник предлагает множество описаний разнообразных антимодернистских процессов: процесса схлопывания многообразия культурных практик, понижения градуса рефлексивности и самих медиа, и институций культурной политики, исчезновения мобилизации и протестной направленности творческих сил.

Как нам кажется, эта публикация открыта к диалогу и предлагает множество сюжетов, крайне поучительных для осмысления и сегодняшней культурной ситуации России, типологически, во многом воспроизводящей многое, из сложившегося на рубеже 1920–1930-х годов.

Ю. Лидерман

Публикации 2005–2007 гг. на русском языке, связанные с авторами или проблематикой данного сборника:

- Аронсон, О. 2007. *Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия)*, М.: Новое литературное обозрение, 384 с.
- Добренко, Е. А. 2007. *Политэкономия соцреализма*, М.: Новое литературное обозрение, 585 с.
- Григорьева, Н. 2005. *Anima laborans: писатель и труд в России 1920–30-х годов*, СПб.: Алетейя, 294 с.
- Булгакова, О. 2005. *Фабрика жестов*, М.: Новое литературное обозрение, 302 с.